

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1502-1511
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1502

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Periodical Press as an Instrument of Public Diplomacy in the Process of Integration of the Countries of the Concord during the First World War

Irina V. Alferova ^a, Valeriy F. Blokhin ^{a,*}, Natalia B. Akoeva ^b, Mikhail A. Bondarev ^a

^a Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

^b Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

In the conditions of the First World War, reliable relations between the Allies, based on mutual support, were an important prerequisite for the strength of the front. However, achieving such a level of relations, based on a stable trust in each other, depended not only on the diplomatic efforts of both sides. Of equal importance was the possibility of broadcasting positive information about oneself as an associate in solving military and political tasks. Much also depended on the quality of purposeful influence on the mass consciousness of the population of partner countries and neutral states. The article considers some aspects of such interaction and shows the mechanisms of transmission of substantive and emotional information through public diplomacy. The authors use specific examples to demonstrate the participation of the periodical press in interpreting the events that took place. The press played a significant role in justifying the foreign policy preferences of the Russian Empire during the First World War. The episodes presented in the article, reflected in the periodicals of the war, are convincing evidence that in a complex and volatile environment the methods of public diplomacy were actively used to attract allies and neutral countries to their side. The main part of the article is based on the materials of Russian archives and periodicals of the Great War period.

Keywords: World War I, foreign policy, Concordia countries, public diplomacy, public opinion, periodicals.

1. Введение

Первая мировая война наглядно продемонстрировала, что для успехов на поле боя требовалось единство фронта и тыла, предполагавшее мобилизацию основных наличных ресурсов через напряжение всех общественных сил. В решении этих проблем важную роль играло также наличие союзников и сохранение с ними и с нейтральными странами дружественных отношений, обеспечивавших монолитность фронта, деморализовавших противника. Государства, не принимавшие непосредственного участия в войне, играли роль не просто наблюдателей, а основной детерминанты всех протекавших событий, выполняли функцию своеобразных посредников, к которым регулярно обращались обе воевавшие стороны: «Прямые воззвания к мнениям нейтралов продолжались на протяжении всего конфликта» (Лассуэлл, 2021: 148).

Еще до того момента, когда в войне зазвучали выстрелы, будущие ее участники приступили к выпуску огромного количества печатной продукции, в которой воспроизводили идеализированный образ собственной нации и обрушивались с критикой на потенциальных противников. Доминировали старые, традиционные представления народов друг о друге. Одновременно шел поиск новых начал, на которых можно было построить отношения в стремительно изменявшейся военно-политической ситуации. На смену культивирования устаревших образов и устойчивых

* Corresponding author

E-mail addresses: blohin.val@yandex.ru (V.F. Blokhin), alferovairi@yandex.ru (I.V. Alferova)

этностереотипов пришли иные оценки, основанные на системе военных, политических, экономических и других мер, реализуемых государством в условиях уже начавшейся войны и в своей совокупности определявших его привлекательность в массовом сознании за рубежом.

Российские властные структуры к началу XX в. уже отчетливо представляли роль газет и журналов в качестве одного из важных факторов воздействия на общественное сознание, видели в них проводников необходимых настроений, которые можно было при их помощи конструировать или хотя бы корректировать. В условиях начавшейся конфронтации формировалась новая социально-политическая реальность, и периодическая печать стран-участников начала активно смещать интерес читающей публики в сторону отрицательных явлений, существовавших в государствах противостоящего лагеря. При этом позитивно оценивались свои союзники и нейтралы входивших в орбиту собственных политических интересов. Соответственно, при усилении противостояния в условиях возможных неудач на полях сражений информационный натиск на противника приобретал все более эмоциональный характер.

Для нас применение концепта «публичная дипломатия» (public diplomacy) дает возможность за счет использования важной его функции, направленной на развитие прямых контактов на неформальном уровне, показать значение знакомства иностранцев с культурой, образом жизни населения позиционирующей себя страны (Nye, 2008: 101-102). Смысл этого термина чаще использовался в качестве понятия «пропаганда», но не в характерном для него отрицательном смысле, а, как минимум, в нейтральном или даже позитивном значении. Периодическая печать в качестве важного инструмента публичной дипломатии выполняла роль элемента отношений между странами, давая возможность получить намеченные результаты без силового давления и угроз.

2. Материалы и методы

Изучение периодической печати периода Первой мировой войны дает уникальную возможность выявления сути общественных настроений, господствовавших на определенных этапах военного противостояния. Причем пресса не только отражала «расположение духа» российского общества, она давала свои оценки происходившему и через высказываемые суждения формировала у читателей особое видение происходивших процессов. Отсюда историю периодической печати периода войны необходимо рассматривать не только в контексте социальных, политических, экономических и бытовых перемен, но и с учетом специфики ее функционирования в условиях действия контроля со стороны военных властей, осуществлявших регулирование оценочной стороны газетных и журнальных публикаций.

Номинально военная цензура принадлежала военному ведомству, но в части надзора за периодическими изданиями фактически выполняла указания Министерства внутренних дел, к которому относился и Петроградский комитет по делам печати. В фонде входившей в его состав военной цензуры, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 778), уцелели корректуры частично разрешенных и полностью вычеркнутых газетных статей. На основании этих материалов можно судить об отношении официальной власти (с учетом возможного личного вмешательства цензора) к тем или иным публикуемым сведениям. Применительно к вопросам, рассматриваемым в статье, это касалось проблем внешней политики государства периода войны.

В этой связи возникает вопрос о степени доверия к печати, находившейся под постоянным контролем и давлением со стороны официальных структур. Разобраться в проблеме может помочь анализ прессы, сохранившийся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Автор одного из обзоров отмечал, что цензоры лишь на короткое время могли задержать сообщения, считавшиеся вредными для интересов страны.

Поскольку газеты функционировали в условиях острого соперничества, каждая из них старалась осветить то, что было недоступно для конкурентов. В результате не все сообщения были верными, многие явно приукрашенными. Но ошибочные впечатления устранялись более поздними газетными сообщениями, формировавшими в итоге целостную картину. То есть, если «читать умеючи», то военным сообщениям можно было верить. «Теперь лишь очень немногие читатели не научились различать между достоверными сведениями и ходячими слухами, между заинтересованными и беспристрастными рассказами, между ложью и истиной», – констатировал аналитик внешнеполитического ведомства (АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 8).

В 1906 г. на пост министра иностранных дел был назначен Александр Петрович Извольский, который осуществил модернизацию структуры аппарата, предусмотрев преобразование Газетной экспедиции в Бюро печати. В годы войны был создан Отдел печати и осведомления (АВПРИ, ф. 140). Сохранившиеся в его фонде документы были использованы при написании статьи. Отдел печати был призван, помимо подготовки обзоров, осуществлять специальное уведомление редакторов столичных газет, предупреждая их о недопущении тех или иных оценок, касавшихся деятельности внешнеполитического ведомства.

Примером пропагандистского использования периодической печати в качестве важного средства трансляции и изменения представлений о существовавшей действительности служит

издававшаяся в Берлине для российских военнопленных газета «Русский вестник». В статье приводятся материалы издания, которые преследовали цель внести разлад в действия союзников. Она бичевала союзную стратегию и дипломатию за их неудачи и рисовала для них крайне мрачные перспективы. В центре внимания была Англия, с которой связывались все проблемы мира и войны. Таким способом предпринимались попытки сместить интерес читателей в необходимом направлении, передавать при помощи прессы необходимые сведения, вносящие раскол в существовавшие межгосударственные союзы.

Для авторов статьи главным из общих теоретических подходов к анализу исследуемой проблемы выступал принцип историзма, который предполагает познание всех явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их процессами.

Творчески интерпретируя основные идеи крупнейшего немецкого социолога Н. Лумана (Niklas Luhmann), рассматривавшего массмедиа как обособленную социальную систему, в которой происходило «удвоение или конструирование реальности», авторы рассматривают содержание прессы как производное не всегда добровольного взаимодействия редакций и цензурных ведомств с их запретами. При этом является очевидным, что органы печати в годы войны явились доминантой соответствующих общественно-политических настроений и практик.

Для уточнения полученных результатов авторами использовались специальные общеисторические методы исследования: проблемно-хронологический и историко-генетический. Первый из них был задействован при определении соответствующих групп источников для решения конкретных задач, определяемых главной целью статьи: осуществить анализ прессы в качестве инструмента публичной политики в деле интеграции стран Согласия. Историко-генетический метод (ретроспективный) позволил реконструировать трансформацию контента прессы в зависимости от общественно-политической и экономической ситуации в стране.

3. Обсуждение

Осмысление роли публичной дипломатии и периодической печати как эффективного инструмента позиционирования положительных сторон государства для иностранных читателей представляет собой задачу, решение которой позволяет исследовать механизм, при помощи которого изменялись установки и мнения населения стран друг о друге. В конечном итоге пресса оказала свое специфическое влияние на принимаемые внешнеполитические решения в условиях войны.

Изучение этих вопросов с позиции влияния пропагандистских государственных усилий периода Первой мировой войны началось, как уже отмечалось, еще в 1920-е гг. Авторы публикаций были убеждены, что в случае нового военного конфликта накопленный опыт пригодится и будет активно использован. Например, в 1927 г. была опубликована, а в 1938 г. переиздана книга американского политолога Гарольда Дуайта Лассуэлла (Harold D. Lasswell) «Техника пропаганды в мировой войне» (Lasswell, 1938). В 1929 г. работа была переведена на русский язык в СССР, а в 2021 г. вновь появилась в новом переводе в России (Ласвель, 1929; Лассуэлл, 2021).

К концу 1920-х гг. относится книга Ф.Л. Блументаля с характерной для того времени риторикой в названии: «Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918: обработка общественного мнения» (Блументаль, 1928). Автор не обошел своим вниманием роль периодической печати в процессе формирования общественных настроений, но его интересы, как и интересы большинства исследователей, рассматривавших особенности пропаганды, ограничивались анализом государственных возможностей в использовании прессы для оказания влияния на общественное мнение внутри страны в условиях потенциально возможной войны.

Среди публикаций последних десятилетий особый интерес для нашей статьи вызывают работы А.Б. Астахова о российской пропаганде, направленной в условиях Первой мировой войны на нейтральные государства. Проблема получила освещение в специальной публикации, материалы которой затем явились основой отдельной главы монографии, посвященной пропаганде на русском фронте (Астахов, 2002; Астахов, 2012). Автор на объемном архивном материале показал активную деятельность гражданских и военных российских структур, нацеленную на решение проблемы привлечения на свою сторону стран, оказавшихся в сфере политических и военных интересов противоборствовавших сил. В своих выводах А.Б. Астахов отметил успехи российской пропаганды, однако констатируя при этом, что в организационном, финансовом, да и содержательном аспектах она уступала германской.

Проблема трансформации образов союзников Российской империи в Первой мировой войне раскрыта в монографии А.В. Голубева и О.С. Поршневой «Образ союзников в сознании российского общества в контексте мировых войн» (Голубев, Поршнева, 2011). Авторы отметили волнообразность процесса конструирования образа России на международной арене и оценили репрезентативное значение периодической печати в его отражении.

Нас же, как отмечалось, интересуют проблемы публичной дипломатии и своеобразные посреднические функции печати, связанные с возможностями именно непредвзятого транслирования образа страны для иностранной общественности. В деле реализации этих задач необходимо было знание чужого народа, некоторых его этнопсихологических особенностей.

Предпринимаемые в этом направлении усилия отличались от действий, нацеленных на подъем морального духа собственного населения или на ослабление воли противника к сопротивлению.

4. Результаты

Действенность идей, распространяемых среди союзников и нейтральных государств, многократно усиливалась за счет авторитета верховной власти стран – участников войны. Через официальные встречи представителей властных структур обеспечивались гарантии намеченных соглашений. Однако подготовка будущих договоренностей проходила главным образом на основе неформальных контактов, поскольку дипломатические службы с их специфической особенностью скрытного ведения дел чаще всего не могли успешно участвовать в процессе формирования общественного мнения, претендовавшего на выход за рамки формального проведения уже намеченной политики.

Впрочем, это не означает, что в этом правиле не было своих исключений, реализуемых в том числе благодаря роли отдельных влиятельных государственных деятелей. Например, Сергей Дмитриевич Сазонов являлся главой российского дипломатического ведомства с 1910 по 1916 г., а до этого служил в посольстве в Лондоне, затем занимал должность министра-резидента при папском престоле. Являясь представителем при Римской курии, он пользовался расположением Папы Римского, сумел завоевать определенный авторитет в политических кругах Рима, в том числе и среди тех, кто оказался у власти и возглавил внешнюю политику Апеннинского королевства в период Первой мировой войны. Именно С.Д. Сазонову, признававшемуся «искренним и убежденным сторонником Италии» принадлежала громадная заслуга в том, что в военных условиях началось официальное сближение Петрограда и Рима. Министр предстал в качестве лучшего противовеса интригам князя Бернгарда фон Булова, который в 1914–1915 гг. являлся германским послом в Италии и опирался на ее клерикальные круги.

Благодаря усилиям С.Д. Сазонова была подготовлена встреча Николая II и Виктора-Эммануила в Ракониджи (*Итальянские события..., 1915*). С этого момента связи между двумя государствами получили позитивное развитие, а итоговым результатом явился нейтралитет Италии, хотя она довольно долго «вращалась в орбите немецкого притяжения». Это был крупный успех союзной и российской дипломатии.

Итальянский посол в Вене 10 мая 1915 г. вручил министру иностранных дел Австро-Венгрии документ следующего содержания: «21-го апреля императорскому королевскому правительству было сделано заявление о тех серьезных причинах, в силу которых Италия, уверенная в правоте своего дела, объявила свой союзный договор с Австро-Венгрией, прекратившим существование и не имеющим в дальнейшем силы, в виду нарушения его императорским королевским правительством, и предоставила себе полную свободу действий» (*Война. Хроника и отклики, 1915*).

Таким образом, усилиями дипломатов в условиях Первой мировой войны был положен конец союзу Италии и Австро-Венгрии. Но этот эпизод дипломатической истории не исключает общего представления о роли публичности, и процесс формирования общественного мнения был далек от своего завершения, выйдя за рамки главных итогов, полученных дипломатическим путем. Подтверждением является инициированная министром иностранных дел встреча с представителями российской прессы, состоявшаяся в начале мая 1915 г. После нее периодические издания выступили со своими заявлениями, которые не вполне устроили военных цензоров.

Если газета «Речь» выразила свою неудовлетворенность способом публичного оповещения общественности об итогах достигнутых соглашений, заявив, что «было бы, конечно, более импозантно, если бы в Петрограде могли повториться сцены, которые только что произошли в Париже, и если бы С.Д. Сазонов имел возможность выступить со своим заявлением в собрании народных представителей» (*РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 213. Л. 14*). Автор статьи высказывался за необходимость более обстоятельного обсуждения этого события со стороны депутатов Государственной Думы, намекая на проблемы, которые были сознательно скрыты от внимания широкой публики: «Мы должны довольствоваться газетным сообщением, в котором рассеяно немало интересных подробностей, заслуживающих быть отмеченными» (*РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 213. Л. 14*). Оба приведенных отрывка были удалены из газеты и сохранились только в документах военной цензуры.

Такая же участь постигла часть публикации другого петроградского издания. Автор статьи в газете «День» за 12 мая отмечал, что до сих пор предметом обсуждения ещё официально не стали те компенсации, которые были гарантированы Италии за её присоединение к странам Согласия. По утверждению «Дня» которое также было удалено военной цензурой, Италия должна была стать хозяином всего принадлежавшего австрийцам Адриатического побережья. «Не может быть спора, что эти уступки весьма значительны и целиком сделаны за счёт славянских притязаний, ибо и сербы, и хорваты, и словенцы одинаково считали себя обладателями законных прав на австрийское наследство на Адриатике. Но в расчётах высшей дипломатии национальные требования должны были уступить перед интересами высшего порядка. Этим дипломатия взяла на себя великую задачу, но в то же время приняла и великую ответственность» (*РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 213. Л. 4*).

Речь в данном случае шла об обязательствах, которые брала на себя Россия в отношении славянских государств, забота о которых на европейском пространстве позиционировалась в качестве основного мотива участия империи в Первой мировой войне. Намек на отказ от этих договорных отношений ради государства, не игравшего решающей роли в происходившем военном конфликте, соблюдавшего нейтралитет, несмотря на вхождение в Тройственный союз, являлся фактическим обвинением российской дипломатии и нивелировал ее достижения в вопросе о выходе Италии из войны.

С.Д. Сазонов позднее практически признавал правоту газетных высказываний и оправдывал свою позицию, отмечая в своих воспоминаниях, что считал «преувеличенными» территориальные претензии Италии. «Насколько я считал законным желание Италии получить на севере стратегическую границу, которая обезопасила бы ее навсегда от угрозы вторжения через альпийские проходы, бывшие в руках Австрии, настолько же не оправдывались в моих глазах итальянские притязания на большую часть Далматинского побережья с прилегающими к нему островами, заселенного сплошным славянским населением, за исключением некоторых городов. Итальянцы, предъявляя свои требования, объясняли их необходимостью владеть ради безопасности обоими берегами Адриатики» (Сазонов, 2002: 132-133).

Еще одним примером индивидуальных усилий может служить специальная поездка российского публициста и писателя Сергея Николаевича Сыромятникова в США, направленная на решение задач формирования разнообразных знаний американцев и русских друг о друге, преодоления сложившихся стереотипов в этих представлениях.

Особенность ситуации, связанной с вступлением заокеанского государства в войну, заключалась в том, что: «В Соединенных Штатах, где выбор между войной и миром оставался в подвешенном состоянии даже дольше, чем в Великобритании, разногласия в вопросе о том, какую группу воюющих держав считать врагом, породили беспрецедентную массу рационализаций, пригодных для тиражирования сторонниками любой группы» (Лассуэлл, 2021: 90).

Подробно о миссии российского публициста рассказано в статье В.И. Журавлевой (Журавлева, 2015). Также сохранился ряд документов в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 1-2, 21-22, 37-37об. и др.) В условиях войны обеим сторонам необходимо было отказаться от упрощенных представлений друг о друге. В результате проделанных усилий в США в периодической печати постепенно стали набирать силу призывы к отказу от проявления нетерпимости к особенностям и реалиям решения «еврейского вопроса» в Российской империи. Американцев разублаждали в том, что возможная победа в мировой войне может привести к тому, что управляемая жестоким и деспотичным правителем Россия начнет реализовывать идеи экспансии агрессивного панславизма, ставившего под угрозу существования западную цивилизацию.

Одновременно россияне уверяли в том, что представления об Америке как о стране «дымящих заводов», а о ее жителях как о «нации делателей денег» не являются исчерпывающими и страдают упрощенностью (Журавлева, 2015: 87, 93). Развернувшаяся в России кампания по избавлению от немецкого засилья, в том числе и в экономической сфере, потенциально подталкивала российского покупателя «в объятия» американского продавца.

Основное назначение военной цензуры, сформированной сразу после начала войны, заключалось в противодействии возможной утечке важной информации. Однако не менее важной функцией выступало и распространение через печать нужных сведений. Военные цензоры делали это не через конкретный «заказ», а путем негласного разрешения на распространение определенных сообщений и материалов.

Для редакций газет с определенного момента становилось очевидным, что при освещении отдельных тем допускаются несоблюдения жестких правил. Одновременно в действиях военной цензуры просматривалась определенная жесткая позиция в отношении как недооценки роли союзников, так и в преувеличении степени союзнических успехов. В целом же такого рода публикации могли выглядеть для союзников и противников как пока неофициальный, но в перспективе возможный правительственный подход к решению тех или иных проблем внутренней и внешней политики.

Наряду с неоднозначными моментами существовали и общие начала, на которые можно было опереться при необходимости расстановки новых акцентов, нацеленных на сближение этих государств. Например, введение Николаем II «сухого закона» на период мобилизации ставилось американской печатью и общественными деятелями в один ряд с реформами Петра I и Александра II, поскольку оно тесно перекликалось с трезвенным движением в самих США, так же как и борьба за эмансипацию русских женщин согласовывалась с движением за права женского населения в США (Журавлева, 2015: 92).

В газете «Утро» 17 марта 1915 г. в заметке: «За хлопком в Америку» рассказывалось об уполномоченных от московских хлопчатобумажных фабрикантов, побывавших в Англии и Соединенных Штатах, где им удалось закупить значительное количество хлопка для фабрик Московского района. В их докладе отмечалось: «В настоящее время в Америке смотрят на Россию как на чрезвычайно интересную страну для торговых отношений в ближайшем же будущем и верят в

финансовую силу России и особенно преклоняются перед ее политикой отрезвления» (РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 708. Л. 3).

Из письма, адресованного С.Н. Сыромятниковым министру иностранных дел С.Д. Сазонову, следовало, что, намереваясь отправиться с особой миссией в США, он изучил доклады об американской печати, подготовленные агентами российского Министерства торговли за последние 15 лет (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 2).

Следует отметить, что это были осознанные и совершенно необходимые действия накануне организации такого рода поездки. Дипломаты и штабные офицеры иначе, по сравнению с гражданскими лицами, чье мнение на самом деле играло в большинстве вопросов решающее значение, воспринимали происходившие события. В данном случае даже было неважно, насколько это восприятие соответствовало реалиям того времени. Просто одно дело высказывания в конфиденциальной дипломатической переписке, а совсем другое – выступление на страницах прессы.

Авторы публикаций в периодических изданиях использовали свои методы воздействия на читателя, учитывая буквально каждодневно изменявшиеся настроения публики, исходя из ее увлечений и господствовавших предрассудков. Эффект усиливался тем, что на первом месте были не логические рассуждения, а образное восприятие, живые, эмоционально рассказанные истории. Все это служило развитию читательского интереса, продаваемости изданий и увеличению тиражей: «...многие газеты однажды обнаруживают, что, честно приобретя приверженцев, они не могут резко изменить позицию...» (Липпман, 2004: 331).

В ходе миссии С.Н. Сыромятникова был подготовлен план создания в Нью-Йорке «Русско-славянского бюро переводов» («Russian Slavonic Translation Office») с целью распространения через американскую печать сведений о России, о ее участии в развернувшихся военных событиях. Через эту информацию, касавшуюся самых разных сфер жизни, планировалось оказать воздействие на процесс формирования общественного мнения в отношении России. «Основой для правильного изучения России в США» должны были стать переводы из русских газет, журналов и книг, публиковавшиеся в агентстве «Associated Press» (Журавлева, 2015: 94).

Следует отметить, что такого рода подборки текстов способны были играть очень важную роль в процессе зарождения и сохранения дружественных отношений между самими союзниками и союзников с нейтральными странами. В свою очередь, страны Четверного союза в формируемой ими информационной сфере старались внести схожими методами раскол среди государств Антанты.

Например, в Берлине издавалась специальная газета на русском языке для российской армии и ее военнослужащих в Германии и Австро-Венгрии, а также для стран Антанты под названием «Русский вестник». В основном она состояла из отобранных по определенному плану заметок из российских газет. Опубликованные материалы должны были свидетельствовать о господствовавшей в России национальной и религиозной нетерпимости, о давлении российских властей на печать и на формируемое ею общественное мнение, на другие недостатки, ставившие под сомнение возможности и прочность союза воевавших на стороне противника государств.

В первом номере издания редакция заявляла, что она печатает подлинные официальные сообщения всех воюющих сторон, чтобы читатель сам мог составить себе правдивую картину о ходе военных действий. Для получения обзора ежедневных событий стоило лишь сопоставить соответствующие сообщения (Русский вестник, 1915, № 1, 4 декабря). Однако на самом деле редакция активно подсказывала те выводы, которые должен был сделать читатель. Так, в сообщении от Российского штаба Верховного Главнокомандующего от 29 ноября 1915 г. сообщалось о боях в Рижском районе. Рассказывалось о взятых в плен немецких офицерах и нижних чинах, о доблести российских воинов, «соперничавших в проявлении храбрости и чувства долга». Однако на этой же странице содержалось сообщение от германской Главной квартиры, в котором говорилось следующее: «Русское официальное сообщение от 29 ноября о боях, происходивших якобы в районе Иллюкста – Казимиршки, является чистейшим вымыслом. В армии генерала графа фон Ботмера слабые части русских, двинувшиеся было в наступление, были отражены передовыми отрядами (Восточный театр, 1915). В таком же духе представлялись неудачи англичан, потерявших на Иракском фронте за пять дней пять тысяч человек, бросивших 100 верблюдов и не успевших сжечь «хоть маленькую часть вещей и военного материала».

Другие сообщения с фронтов выглядели вполне нейтрально и содержали незначительную информацию, как бы «разбавляя» ключевые сообщения. Зато в разделах, посвященных внутреннему положению России, перечислялись местности, которым угрожало отсутствие продовольствия, говорилось о закрытии Центрального кооперативного комитета, предназначенного для борьбы с дороговизной, отмечалась плохая работа транспорта и повествовалось о нерешаемых проблемах беженцев в городе Томске.

От экономических вопросов газета плавно переходила к политическим и, сославшись на «Московские ведомости» от 15 ноября 1915 г. заявила, что «можно уже вполне откровенно объяснять причины перемены правительственного курса и что прежние фразы о совместной деятельности власти и общественности можно сдать в архив как потерявшую смысл словесную декорацию» (Власть и общественность, 1915).

Наконец содержались сообщения, совершенно точно адресованные союзникам, реальным и потенциальным. В газете, читавший ее российский военный цензор, отметил их своим карандашом. Первая заметка называлась «Инородцы и иноверцы. Латыши и эстонцы». Ссылаясь на «Новое время», автор отмечал, что наложенное по решению Совета министров запрещение на имущество немцев будет распространено на всех жителей Прибалтийского края евангелического вероисповедания, которые таким образом будут лишены прав коренного русского населения. От этой меры в первую очередь должно было пострадать латышское и эстонское население оставшихся во власти русских двух остзейских провинций, поскольку латыши в Лифляндской губернии составляли 43,9 %, а эстонцы в Эстляндской губернии – 88,8 и в Лифляндской губернии – 39,9 % от всего населения (*Инородцы и иноверцы. Латыши и эстонцы, 1915*).

Следующая информация содержала сведения о закрытии еврейских газет: «Главкомандующий армиями Северного фронта, по сообщению "Речи" от 18 ноября воспретил выход и распространение газет на еврейском языке» (*Закрытие еврейских газет, 1915*). Редакция «Русского вестника» подчеркивала, что этот запрет никак не связан с проблемами безопасности государства, поскольку из перечисленных восьми изданий только «Кооперация среди евреев» и «Петроградер Тогблат» действительно печатались, а остальные были разрешены властями, но пока еще не выходили в свет, но подпадали теперь под запрет (*Закрытие еврейских газет, 1915*).

Таким образом, публикации в немецком «Русском вестнике» наглядно демонстрируют, как «газеты работают друг против друга, причем каждая старается огласить то, что противник хотел бы скрыть» (*АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 7*). Мы далеки от вывода о том, что только благодаря публикациям в газетах удалось упрочить блок государств, противостоящих в Первой мировой войне Четвертому союзу, или обеспечить участие США в войне на стороне Антанты. Вступление Вашингтона в военные действия было в первую очередь спровоцировано самой Германией, организовавшей, например, подводную войну и потопившей 7 мая 1915 г. британский пассажирский лайнер «Лузитания» на борту которого были в том числе и американцы. Российский посол в Вашингтоне 16 мая 1915 г. также сообщал о нападении немецкой подводной лодки на американское торговое судно, отмечая, что «ежели оно оправдается, то вызовет, может быть, сильнейшую агитацию, чем после гибели "Лузитании"» (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 36*). Существовали и другие многочисленные факторы, которые усиливались приведенными обстоятельствами.

Сторонников Соглашения и Четвертого союза разделяли сами принципы подхода к международной политике, различное видение будущего послевоенного мира: под имперским флагом или с противостоящим ему гарантированным правом на самоопределение. Эти обстоятельства способствовали более успешному пониманию в американском обществе усилий, прилагаемых посредством публичной дипломатии будущими союзниками США в войне.

В этом контексте России как одной из четырех империй, сохранявшихся на европейском пространстве, необходимо было показать свои отличия от уже заметно девальвированной германской политической системы, обозначить желание избавиться от прежних отрицательных национальных моделей мышления и сохранявшихся стереотипов. Министерство иностранных дел активно транслировало добровольную готовность избавиться от недостатков, препятствовавших созданию прочного союза, постулировало в условиях войны однородность взглядов с союзниками на послевоенное будущее.

Министерство иностранных дел России негласным путем еще в начале войны наметило меры по борьбе с распространением за границей вредных для государственных интересов сведений. По инициативе министерства было проведено специальное междуведомственное совещание с целью воздействия на общественное мнение за рубежом. Среди ключевых вопросов прозвучала задача «воздействия на нейтральную печать с целью недопущения ее перейти на сторону наших противников» (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 4*). Однако в конце января 1915 г. пришлось констатировать, что поставленные задачи не только не были до конца решены, но и обрели еще более сильное звучание, поскольку противники России в войне стали применять еще более активные действия, и теперь уже было недостаточно только противостоять направленным против страны известиям предоставлением достоверного материала. Необходимо было стремиться к широкому распространению таких сообщений, которые могли бы вызвать интерес читающей зарубежной публики и увеличить симпатии правительств и населения союзников и нейтральных государств (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 4об.*)

Военное министерство настаивало на необходимости активнее обсуждать при помощи периодической печати обоюдно выгодные экономические мероприятия, которые могли бы послужить основанием для более интенсивного взаимодействия сторон (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 4об.*) Для этой цели предлагалось создать в Петрограде наряду с уже существовавшими русско-итальянской и славянской торговыми палатами «новых торговых палат русско-скандинавской и даже русско-румынской» (*АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 5*). Действовавшие и намеченные к организации структуры должны были в соответствии с замыслом способствовать обсуждению в российской и зарубежной печати взаимных экономических интересов. Для решения этих задач военное ведомство готово было выделить необходимую финансовую поддержку.

Однако этого было недостаточно, и был поставлен вопрос о характере предоставляемой информации. Для освещения военных событий необходимо было, с одной стороны, исключить секретную информацию, а с другой – не допускать ложных или формальных мало информационных сведений. В качестве еще одной из мер предполагалось в каждое из государств, в которых была заинтересована Россия, направить своих представителей, знакомых с особенностями страны и обладавших публицистическими способностями. Отмечалось, что эти лица должны были пользоваться поддержкой российских консульских и дипломатических учреждений, но быть вполне от них независимыми, т.е. создавать впечатление о своей отстраненности от официальной пропаганды. Наконец, в Петрограде планировалось создать специальное бюро, которое собирало бы необходимые сведения для сообщения за границу, а также анализировало бы все данные о распространяемых за границей вредных для России известий: «Так как попытки враждебного нам влияния на общественное мнение могут быть действительным образом отражены лишь немедленным им противодействием, то в деятельности нашей в этом направлении должны быть устранены всякие излишние промедления» (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 52. Л. 80б.)

5. Заключение

Страны Соглашения на момент вступления в войну, естественно, обладали определенным знанием друг о друге, и оно в какой-то своей части способствовало их сближению, но могло служить и дополнительным поводом для раздоров. Так, препятствием выступали известные представления о различном уровне экономического развития, на котором находились потенциальные союзники. Еще в большей степени стран-союзников разделяли внешнеполитические устремления.

Летом 1914 г. Германия выступала в качестве одного из ключевых фигурантов, на совести которого лежала ответственность за начало войны. Но возложенное на ее плечи можно было уже тогда смело разделить как минимум с Австро-Венгрией, Сербией, Францией, Великобританией и Россией. Каждая из перечисленных стран имела свои особые представления по поводу развивавшихся событий. У любой из них имелись свои далеко идущие цели в области империалистической политики. Ложные и подлинные представления о соседних государствах зачастую оборачивались причиной социального и политического напряжения в отдельных регионах и в мире в целом.

Для формирования союзов, а также для сохранения и успешного взаимодействия их членов необходимо было иметь общее представление о войне во всей ее полноте и в самых различных ее аспектах, выработать общее видение послевоенного переустройства. Внешнеполитические ведомства прилагали огромные усилия для трансляции своей позиции, достижения потенциального сближения, используя авторитет верховной власти, предоставлявшей гарантии подготовленных соглашений.

В решении этих проблем особая роль отводилась позитивному образу страны, способному содействовать принятию важных политических решений. А важнейшим инструментом осуществлявшейся информационной политики выступала публичная дипломатия. С ее помощью на неофициальном уровне предоставлялись немедленные ответы на вопросы, которые регулярно ставила война, полная не запланированных инцидентов.

Активное участие прессы в освещении происходивших событий, в их политической оценке и в формировании общественных настроений способствовало выработке взглядов, оценок и суждений как на уровне массового, так и индивидуального сознания.

В России намеченные меры создания условий для распространения позитивного образа страны за рубежом удалось реализовать с разной степенью успеха. Что-то было исполнено с присущим для бюрократической системы формализмом, не обошлось без ошибок и заблуждений. Но для нас приведенные примеры являются убедительным доказательством того, что на протяжении Первой мировой войны, в условиях сложного и переменчивого времени, методы публичной дипломатии активно использовались для привлечения союзников и нейтральных стран на свою сторону. Приведенный материал дает возможность проследить, как в условиях решения назревших внешнеполитических задач Россия вынуждена была пойти на изменение своего образа, сделав его более понятным и убедительным для своих западных партнеров. И одна из главных ролей в этом принадлежала российской печати.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
Агуреев, 2020. – Агуреев С.А. Болгария на пути к Четвертому союзу и политика Российской империи // *Обозреватель*. 2020. № 1 (360). С. 98-109.

Асташов, 2002 – Асташов А.Б. Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организация, средства, методы // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Европейское измерение политической истории. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 101-123.

Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первая мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.

Блументаль, 1928 – Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. М., 1928. 168 с.

Власть..., 1915 – Власть и общественность // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Война..., 1915 – Война. Хроника и отклики. Пг.: Издание «Исторического вестника», 1915. № 11. 48 с.

Восточный..., 1915 – Восточный театр // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Голубев, Поршнева, 2011 – Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзников в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Журавлева, 2015 – Журавлева В.И. Заокеанское путешествие С.Н. Сыромятникова, или как убедить американцев изучать Россию // *Новая и Новейшая история*. 2015. Вып. 4. С. 87-100.

Закрытие..., 1915 – Закрытие еврейских газет // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Иностранцы..., 1915 – Иностранцы и иноверцы. Латыши и эстонцы // *Русский вестник*. 1915. № 1. 4 декабря.

Итальянские события..., 1915 – Итальянские события и русская дипломатия // *Колокол*. 1915. № 2701. 10 мая.

Ласвель, 1929 – Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне / Сокращенный перевод с англ. в обработке Н.М. Потапова. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. военной лит., 1929. 199 с.

Лассуэлл, 2021 – Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. М.: РАН; ИНИОН, 2021. 237 с.

Луман, 2005 – Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 253 с.

Пашенцев, 2013 – Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США // *Государственное управление*. Электронный вестник. 2013. № 36. С. 80-98.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Русский вестник..., 1915 – Русский вестник. 1915. № 1. 4 декабря.

Сазонов, 2002 – Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. 368 с.

Lasswell, 1938 – Lasswell G.D. Propaganda Technique in the World War. N.Y.: Peter Smith, 1938. 244 p.

Nye, 2008 – Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. Pp. 94-109.

References

Agureev, 2020 – Agureev, S.A. (2020). Bolgariya na puti k SHetvernomu soyuzu i politika Rossijskoj imperii [Bulgaria on the way to the Fourth Alliance and the policy of the Russian Empire]. *Obozrevatel'*. 1(360): 98-109. [in Russian]

Astashov, 2002 – Astashov, A.B. (2002). Politicheskaya propaganda na nejtral'nye strany v gody Pervoj mirovoj vojny: organizaciya, sredstva, metody [Political propaganda on neutral countries during the First World War: organisation, means, methods]. *Evropejskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya*. Evropejskoe izmerenie politicheskoy istorii. M.: IVI RAN. Pp. 101-123. [in Russian]

Astashov, 2012 – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na russkom fronte v gody Pervaya mirovoj vojny [Propaganda on the Russian front during the First World War]. M.: Speckniga, 400 p. [in Russian]

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

Blumental', 1928 – Blumental', F. (1928). Burzhuaznaya politrabota v mirovuyu vojnu [Bourgeois political labour in the world war]. M., 168 p. [in Russian]

Golubev, Porshneva, 2011 – Golubev, A.V., Porshneva, O.S. (2011). Obraz soyuznikov v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyh vojn [The image of allies in the consciousness of Russian society in the context of world wars]. M.: Novyj hronograf, 392 p. [in Russian]

Inorodcy..., 1915 – Inorodcy i inovercy. Latyshy i estoncy [Inorodcy i inovercy. Latyshy i estoncy]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]

Ital'yanskie sobytiya..., 1915 – Ital'yanskie sobytiya i russkaya diplomatiya [Italian events and Russian diplomacy]. *Kolokol*. 1915. № 2701. 10 maya. [in Russian]

Lassuell, 2021 – Lassuell, G.D. (2021). Tekhnika propagandy v mirovoj vojne: perevod s angl [Propaganda techniques in world warfare]. M.: RAN; INION, 237p. [in Russian]

Lasswell, 1938 – Lasswell, G.D. (1938). Propaganda Technique in the World War. N.Y.: Peter Smith, 244 p.

Lasvel', 1929 – Lasvel', G. (1929). Tekhnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda techniques in world warfare]. Sokrashchennyj perevod s angl. v obrabotke N.M. Potapova. M.; L.: Gos. izd-vo. Otd. voennoj lit., 199 p. [in Russian]

Luman, 2005 – Luman, N. (2005). Real'nost' massmedia [The reality of mass media]. M.: Praksis, 253 p. [in Russian]

- Nye, 2008 – Nye, J.S. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 616: 94-109.
- RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Russkij vestnik... – Russkij vestnik [Russian Herald]. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Sazonov, 2002 – Sazonov, S.D. Vospominaniya [Memories]. Mn.: Harvest, 2002. 368 s. [in Russian]
- Vlast'..., 1915 – Vlast' i obshchestvennost' [Authorities and the public]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Voina..., 1915 – Voina. Hronika i otkliki [War. Chronicle and responses]. Pg.: Izdanie «Istoricheskogo vestnika», 1915. № 11. 48 p. [in Russian]
- Vostochnyj..., 1915 – Vostochnyj teatr [Oriental theatre]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Zakrytie..., 1915 – Zakrytie evrejskih gazet [The closure of Jewish newspapers]. *Russkij vestnik*. 1915. № 1. 4 dekabrya. [in Russian]
- Zhuravleva, 2015 – Zhuravleva, V.I. (2015). Zaokeanskoe puteshestvie S.N. Syromyatnikova, ili kak ubedit' amerikancev izuchat' Rossiyu [S.N. Syromyatnikov's overseas journey, or how to persuade Americans to study Russia]. *Novaya i Novejshaya istoriya*. 4: 87-100. [in Russian]

Периодическая печать как инструмент публичной дипломатии в процессе интеграции стран Согласия в годы Первой мировой войны

Ирина Викторовна Алферова ^a, Валерий Федорович Блохин ^{a,*}, Наталья Борисовна Акоева ^b, Михаил Аvezович Бондарев ^a

^a Брянский государственный университет, Брянск, Российская Федерация

^b Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В условиях Первой мировой войны надежные отношения между союзниками, основанные на взаимной поддержке, являлись важной предпосылкой успешного ведения военных действий. Однако достижение такого уровня взаимоотношений, базировавшихся на устойчивом доверии друг к другу, зависело не только от дипломатических усилий обеих сторон. Важным условием являлись возможности транслирования о себе как о соратнике позитивной информации при решении военных и политических задач. Многие зависело также от качества целенаправленного воздействия на массовое сознание населения стран-партнеров и нейтральных государств. В статье рассмотрены некоторые аспекты такого взаимодействия, показаны механизмы передачи содержательных и эмоциональных сведений посредством публичной дипломатии. Авторы на конкретных примерах демонстрируют участие периодической печати в деле интерпретации происходивших событий. Пресса играла значительную роль в обосновании внешнеполитических предпочтений Российской империи в период Первой мировой войны. Приведенные в статье эпизоды, нашедшие отражение в периодических изданиях времен войны, являются убедительным доказательством того, что в условиях сложной и переменчивой обстановки методы публичной дипломатии активно использовались для привлечения союзников и нейтральных стран на свою сторону. Статья в основной своей части опирается на материалы российских архивов и периодических изданий периода Великой войны.

Ключевые слова: внешняя политика, страны Согласия, публичная дипломатия, общественное мнение, периодическая печать, военная цензура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blohin.val@yandex.ru (В.Ф. Блохин), alferovairi@yandex.ru (И.В. Алферова) bondarevmike27@gmail.com (М.А. Бондарев)